

МАРИЯ АКСЕНОВА

ДНЕВНИК НЕКТО

Мария Аксенова

Дневник Некто

<https://litres.ru/74356754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга о том, как потерять всё и найти себя.

Тысячи женщин проходят этот путь — но каждая история уникальна.

Содержание

Автофикшен	4
Часть 1. Настоящее время. Иллюзия покоя.	5
Глава 1 (ЗВОНОК В ТИШИНЕ)	5
Глава 2 (ПРИЮТ И ЧУЖИЕ ДЕТИ)	10
Глава 3 (НАСЛЕДСТВО)	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дневник Некто

Автофикшен

Часть 1. Настоящее время. Иллюзия покоя.

Глава 1 (ЗВОНОК В ТИШИНЕ)

Утро пахнет кофе и ожиданием. Я стою у окна и смотрю, как дождь рисует по стеклу свои бесконечные дороги. Капли стекают вниз, пересекаются, разбегаются — как люди, которые однажды встретились, а потом исчезли навсегда. Я люблю это время: когда дом ещё спит, когда можно побыть одной, не притворяясь.

На плите закипает чайник. Пар поднимается к потолку, растворяется, и мне кажется, что так же растворяются мои мечты — лёгкие, почти невесомые, но они были. Когда-то...

Софи появляется на пороге — сонная, в слишком большой футболке, с волосами, похожими на воронье гнездо.

— Мам, я хочу спать, — она трёт глаза и садится за стол, поджав ноги.

— Тогда не ходи в школу, — предлагаю я, хотя мы обе знаем, что она пойдёт. Мы так играем каждое утро.

— Не могу, контрольная по физике. Учительница сказала, что если я пропущу, она вызовет родителей.

— Я и есть родитель. Она позвонит мне, а я скажу, что ты

болеешь. Где проблема?

Софи смеётся — тем смехом, который я слышу и помню наизусть. Я могла бы узнать его среди тысячи других. Я подвигаю к ней тарелку с омлетом. Она берёт вилку, но не ест, а смотрит на меня.

— Мам, ты сегодня какая-то другая. Что-то случилось?

Я замираю на секунду. Внутри — сосущая пустота, которую я не могу объяснить, потому что сама её не понимаю. Ничего не случилось. Всё как всегда. Просто сегодня дождь, просто я не выспалась, просто... я чувствую, что кто-то стоит у порога моей жизни и собирается постучать. Но я не знаю, кто это.

— Всё хорошо, — улыбаюсь я. — Просто устала. Ешь, а то опоздаешь.

Она послушно отправляет в рот ложку омлета, и мы замолкаем. Тишина между нами — тёплая, родная, как одеяло. Я люблю эту тишину. Она — мое спасение.

...Школа. Доска, мел, запах мебели, которую не меняли со времён моего собственного детства. Я стою у доски и говорю о Достоевском. О том, что каждый человек носит в себе ад и рай одновременно. Дети слушают. Они не понимают всего, но они чувствуют. И это главное.

— Мари А., а вы верите в судьбу? — спрашивает Лена, девочка с большими глазами и вечно поднятой рукой.

Я смотрю на неё и думаю. Судьба — это то, что мы выбираем, или то, что выбирает нас? Мой отец говорил, что судь-

бу можно обмануть. Он говорил это, когда был пьян. А трезвый он молчал. Молчал семь лет, пока не ушёл.

— Я верю в поступки, — отвечаю я. — Судьба — это сумма того, что мы сделали. И того, чего мы не сделали.

Она записывает это в тетрадь, а я отворачиваюсь к доске, чтобы никто не увидел, как моя рука дрожит, когда я беру кусок мела.

На большой перемене я сижу в учительской и пью чай. Мой телефон молчит. Он молчит всегда. Иногда мне кажется, что я купила его только для того, чтобы смотреть на чёрный экран и ждать — кого? Я не знаю. Но я всё равно жду.

Звонок разрывает тишину, как ножом по стеклу. Я беру трубку, не глядя на экран.

— Мари А.? — голос официальный, холодный, как вода в декабре.

— Да.

— Вас беспокоит соседка вашего отца. Ваш отец, Юрий, скончался вчера. Нам необходимо встретиться. В противном случае, вашего отца похоронят с табличкой «неизвестно».

Я слышу слова, но они не проникают внутрь. Они упираются в стену, которую я выстроила за эти семь лет. Я помню тот день, когда мы виделись в последний раз перед долгой разлукой. Он стоял безмолвно, держался уверенно и не смотрел на меня. Я не плакала. Я сказала: «Скоро увидимся».

А теперь он умер. И это слово — умер — не укладывается

в моей голове. Оно слишком большое, слишком чужое. Как будто говорят о человеке, которого я никогда не знала.

— Хорошо, — говорю я ровно. — Я приеду. Завтра утром...

Я кладу трубку. Ставлю чашку на стол. Чай остыл, но я всё равно делаю глоток — горький, как моя память. Я смотрю в окно. Дождь всё идёт. Он не останавливается никогда, когда мне грустно. Уроки проходят мимо. Я говорю правильные слова, но голос звучит откуда-то издалека, как радио, которое ловит чужую волну. Я улыбаюсь детям, я смеюсь над их шутками, я ставлю отметки. Я — машина, которая работает, потому что не может остановиться. Если я остановлюсь, я рассыплюсь.

Вечер. Я возвращаюсь домой, когда уже стемнело. Софи спит, укрывшись с головой. Я сажусь на край её кровати и провожу рукой по её волосам. Они мягкие, тёплые, живые. Она — единственное, что у меня есть. Единственное, что я не хочу и не могу терять.

На кухне я достаю тетрадь. Я купила её месяц назад, в магазине на углу. Обложка — серая, без рисунков. Я думала, что буду писать в ней какие-то заметки, планы, списки дел. Но сегодня я знаю, для чего она.

Я открываю первую страницу. Беру ручку и пишу:

«Дневник той, кто ищет своё имя»

Потом зачёркиваю. Пишу снова:

«Дневник Некто»

Это слово приходит само. Некто. Тот, кого нет, но он есть. Тот, кто наблюдает со стороны. Тот, кто потерял себя и пытается найти. Или та, которая никогда не знала, кто она.

Я пишу дальше:

«Сегодня я узнала, что умер мой отец. Я не чувствую боли. Я не чувствую злости. Я не чувствую ничего, кроме тишины. Мне страшно от этой тишины. Поэтому я пишу. Может быть, если я выпишу всё на бумагу, я пойму, что я чувствую на самом деле».

За окном — город. Миллионы окон, в которых горит свет. Миллионы жизней, которые текут параллельно моей. Где-то там сейчас кто-то плачет, кто-то смеётся, кто-то умирает... А я сижу в своей маленькой кухне и пытаюсь понять, что мне делать с этим звонком.

Я закрываю тетрадь. На обложке остаётся только одно слово, которое я пишу на память:

«Некто» ...

Я выключаю свет и иду в комнату. Дождь за окном уже не идёт. Тишина. Но теперь я знаю, что в этой тишине есть голос. Голос той, которая решила начать говорить.

Глава 2 (ПРИЮТ И ЧУЖИЕ ДЕТИ)

Суббота не пахнет школой. Она пахнет сырой листвой и свободой, которую я не умею тратить на себя. Поэтому каждую субботу, в одно и то же время, я сажусь в поезд и еду в пригород. Туда, где за железнодорожным переездом, среди старых тополей, прячется серое здание с облупившейся краской и вывеской «Детский социальный центр». Здесь я не Мари А., строгий учитель литературы. Здесь я просто Мари. И это имя звучит легче, почти как колыбельная.

Я выхожу на платформу, и холодный ветер касается лица, как чужая ладонь. Иду по мокрому асфальту, обхожу лужи. За спиной — рюкзак с книгами, цветными карандашами и старыми настольными играми, которые я собирала по всему городу. Для них — для чужих детей, которых я никогда не рожала, но почему-то люблю так же, как свою собственную дочь.

В приюте шумно, как в улье. Малыши бегают по коридору с игрушечными машинками, кто-то плачет в углу, воспитатели пытаются накормить завтраком самого упрямого. Я вешаю пальто на крючок, и сразу же меня обнимают маленькие руки. Это Катя, ей четыре года, она всегда первой встречает меня и шепчет в плечо: «Ты пришла, Мари».

— Пришла, — улыбаюсь я и глажу её по голове. — А ты сегодня уже завтракала?

Она кивает, но я вижу, что она врёт. Я беру её за руку и веду на кухню, где Надя, заведующая, угощает нас чаем с печеньем. Катя садится ко мне на колени, и я чувствую, как её тело расслабляется, как будто она наконец-то может выдохнуть. Я часто думаю: почему эти дети так легко доверяют мне? Может быть, потому что я тоже ребёнок — внутри, где-то глубоко, в той части души, которая так и не выросла.

После чая — игры. Я достаю карандаши и бумагу, мы рисуем дома, солнце, деревья. Дети смеются, пачкаются в краске, и этот запах — он для меня как лекарство. Он заглушает звонок, который до сих пор звучит у меня в ушах. Звонок о смерти отца. Но я не хочу думать об этом сейчас. Я хочу думать о том, как нарисовать зайца, чтобы он был похож на настоящего.

Я смотрю по сторонам и замечаю её. Она сидит в углу, отдельно от всех, и просто смотрит в окно. Девочка лет одиннадцати, с тёмными волосами, которые падают на лицо, и глазами, в которых нет света. Я знаю её историю. Её зовут Аня. Её мать лишили родительских прав полгода назад, и с тех пор Аня почти не разговаривает, часто отказывается от еды, не участвует в играх, не смотрит никому в глаза.

Я оставляю малышей с Надей и сажусь рядом с Аней. Не говорю ни слова. Мы сидим в тишине, глядя на серое небо за окном. Через десять минут я слышу шёпот:

— Мари, а ты знаешь, что такое ждать?

Вопрос бьёт прямо в солнечное сплетение. Я сглатываю. Знаю ли я?

— Знаю, — говорю я. — Я ждала всю жизнь.

— И кто-то пришёл?

— Нет, — я смотрю на её отражение в стекле. — Но я научилась быть той, кто приходит сама.

Она молчит. Я продолжаю сидеть рядом. Вдруг её рука тянется к моей, и наши пальцы соприкасаются. Она не сжимает мою ладонь, просто кладёт свою сверху, как будто проверяет, настоящая ли я. И я позволяю ей это. И в этот момент время разрывается...

...Мне десять лет. Я сижу на подоконнике в нашей старой квартире, на кухне. За окном — сумерки, уже зажглись фонари, и их свет падает на мокрый асфальт. Мама стоит у плиты, молча помешивает суп. Она не говорит мне, который час, но я и так знаю: папа должен был прийти в семь, а сейчас уже девять. Я смотрю на дверь, считаю шаги. Слышу каждый шорох. Сердце колотится, как птица в клетке.

Наконец шаги. Громкие, нетвёрдые. Ключ поворачивается в замке, и дверь открывается. Он стоит на пороге — с мокрыми волосами, в расстёгнутом пальто, с запахом, который я ненавижу. Запахом алкоголя и дешёвых сигарет. Он улыбается, но улыбка кривая. «Мари, — говорит он, — привет, дочка». Я хочу броситься к нему, но ноги приросли к полу. Я хочу сказать: «Я ждала тебя», но язык не слушается.

Я просто смотрю, как он проходит мимо, не глядя на меня, как мама отворачивается к плите, и как между ними вырастает стена. Та самая стена, которую я потом буду строить всю жизнь.

А когда он ушёл окончательно — я находилась далеко и смотрела ему вслед. Книга в одной руке, сигарета в другой. Он обернулся на секунду и сказал: «Ты справишься, Мари. Ты сильная». А я хотела закричать: «Я не хочу быть сильной! Я хочу, чтобы ты остался!» Но я промолчала. Как и всегда.

Я снова в приюте, на холодном полу, рядом с Аней. Моя ладонь дрожит. Я замечаю, что девочка смотрит на меня с вопросом, который она не решается задать.

— Ты плачешь, Мари? — тихо спрашивает она.

Я касаюсь щеки. Мокрая. Когда я успела заплакать?

— Нет, — я вытираю слёзы и улыбаюсь. — Это просто дождь. Он иногда идёт внутри.

Аня смотрит на меня странно. А потом, впервые за полгода, она чуть-чуть улыбается. Краешком губ. И я понимаю, что это — победа.

Вечером, когда я сажусь в электричку, я открываю дневник. На обложке — слово «Некто», которое я написала вчера. Я беру ручку и пишу новую строку:

«Сегодня я встретила себя десятилетнюю. Она сидела в углу и ждала, когда кто-то подойдёт. И я подошла. Я не смогла спасти ту девочку в прошлом, но, может быть, я могу спасти эту. И если это единственное, что я умею —

быть рядом с теми, кто ждёт, — пусть будет так. Это больше, чем ничего».

За окном проплывают огни города. Я прячу дневник в рюкзак и закрываю глаза. Суббота закончилась. Завтра будет воскресенье. А потом — понедельник. И вещи отца, которые ждут меня, чтобы рассказать вся правду. Но сейчас я просто дышу. И это уже много.

Глава 3 (НАСЛЕДСТВО)

Адвокатская контора «Защита» находится на первом этаже старого дома, в районе, который я не любила даже в детстве. Здесь пахнет плесенью и чужими судьбами. Я подхожу к двери, и моя рука застывает над ручкой. Я не хочу входить. Я хочу развернуться и уйти, сесть в электричку, поехать в приют, к Ане, к Кате, к детям, которые пахнут теплом. Но вместо этого я толкаю дверь и захожу.

Внутри — тесно, душно. Стены увешаны дипломами в золотых рамках, на столе — горы папок. За столом сидит женщина лет пятидесяти пяти, с острыми глазами и гладко зачёсанными волосами. Она смотрит на меня с профессиональным сочувствием, но я знаю, что это просто маска. Как у меня.

— Мари А.? — она протягивает руку.

— Анна Алексеевна. Присаживайтесь.

Я сажусь на стул, который скрипит, как будто жалуется на свою жизнь. Адвокат раскрывает папку и начинает говорить: документы, права на наследство, порядок вступления. Я слышу слова, но они проходят мимо, как ветер. Мои мысли — там, в квартире отца, куда мне нужно поехать после этой встречи. Квартира, которую я не видела семь лет.

— Ключи, — говорит она и протягивает мне связку.

Я помню этот дом. Серую пятиэтажку в центре города,

обшарпанный подъезд, запах кошек и одиночества. Я не была там с тех пор, как отец ушёл. Мама запретила мне туда ходить, сказала: «Это больше не наша жизнь». И я послушалась. Как всегда.

— Вам нужна помощь? — спрашивает адвокат. — Могу вызвать такси.

— Нет, — отвечаю. — Я сама.

Выхожу на улицу, и холодный ветер бьёт в лицо. В руке — ключи. Они холодные, тяжёлые, как моё прошлое.

Дом отца стоит среди таких же серых коробок, как он сам. Я поднимаюсь по лестнице, и каждый шаг отдаётся в груди тупой болью. Пятый этаж, квартира номер 88. Я вставляю ключ в замок, и он поддаётся с трудом, как будто дверь не открывали годами.

Внутри — запах. Тяжёлый, кислый запах запустения, пыли и чего-то забытого. Я захожу и замираю. Квартира похожа на свалку. Повсюду — старые газеты, пустые бутылки, горы хлама. Мебель покрыта слоем пыли, на подоконниках — пожелтевшие цветы в засохшей земле. Я смотрю на этот бардак и чувствую, как внутри поднимается волна. Что это? Гнев? Отчаяние? Я не знаю.

Я прохожу по комнатам, трогая вещи, которые когда-то принадлежали отцу. Здесь есть что-то знакомое: его старая куртка, висящая на спинке стула, его часы, остановившиеся навсегда. Я беру их в руки. Стрелки застыли на трёх часах. Я смотрю на них и думаю: в какой момент остановилось его

сердце? В какой момент он перестал быть моим отцом?

Я открываю шкаф. Там — стопки книг. Старые, с выцветшими страницами, некоторые с надписями. Я перебираю их, и вдруг моя рука натывается на тетрадь. Старую, потрёпанную, в синей обложке. Я узнаю её. Она принадлежала бабушке, отцу моего отца. Тому, кого я помню и уважаю.

Я открываю тетрадь. На первой странице — бабушкин почерк, мелкий и аккуратный, как у человека, который привык записывать каждую мысль. Он всегда говорил, что будущее можно предсказать. Мама смеялась над ним, а я — я слушала и верила. Он часто сидел в своей спальне, за столом, и писал что-то в этой тетради, а потом говорил: «Мари, ты вырастешь, и всё у тебя будет хорошо. Только не бойся боли. Она делает нас сильнее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.